

НА ПРОТЯЖЕНИИ многих лет я работаю над книгой о Чокане Валиханове, выдающемся сыне казахского народа. Ученый и путешественник, литератор и общественный деятель, он был близким другом Федора Михайловича Достоевского. «Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к вам, и бог знает, как это сделалось», — писал Достоевский из Семипалатинска «милому Чекану-Чолкановичу», «дорогому Валихану». В этом письме от 14 декабря 1856 года Достоевский высказал свои «утопические соображения и гадания» о судьбе первого казаха, «образованного по Европейски вполне».

Собирая материалы по Валиханову, я, естественно, обратилась и к исследованиям о Достоевском: что там сказано о тех годах, когда с ним встречался в Омске и Семипалатинске Валиханов, что известно об окружении Достоевского в пору, когда он служил в 7-м линейном батальоне, стоявшем в Семипалатинской крепости?

И вот представьте себе изумление человека, вполне оценившего серьезные, дельные примечания к полному тридцатитомному собранию сочинений Достоевского, когда вдруг обнаруживается, что в этих примечаниях, в том 12-м, где говорится о прототипах персонажей из «Бесов», совершенно упущен из виду несомненный прототип фон Лембе — генерал-губернатор Западной Сибири с 1853 по 1860 г. Гасфорт.

Вот как охарактеризован у Достоевского фон Лембе:

«Андрей Антонович фон Лембе принадлежал к тому фаворизованному (природой) племени, которого в России числится по календарю несколько сот тысяч и которое, может, и само не знает, что составляет в ней всею своею массою один строго организованный союз. И уж разумеется, союз не предумышленный и не выдуманный, а существующий в целом племени сам по себе, без слов и без договора, как нечто нравственно обязательное, и состоящий во взаимной поддержке всех членов этого племени одного другим всегда, везде и при каких бы то ни было обстоятельствах».

В «Бесах» и Лембе, и состоящий при нем чиновник Блюм — типы русских немцев, то есть, по Достоевскому, типы правителей, особо удаленных от народа. В записных тетрадях отношения Достоевского к бюрократам такого рода выражены еще резче — вплоть до сопоставления немецкого влияния с татарским игом.

«Основными прототипами губернатора фон Лембе и его жены явились, как можно полагать, тверской губернатор П. Т. Баранов и его жена А. А. Баранова, урожденная Васильчикова», — говорится в примечаниях к тому 12-му. Здесь же приводятся доказательства: На сходство с Барановым указывают «бараньи глаза» Лембе и то, что по-немецки барашек — das Lamm. Жену Лембе зовут Юлия — и так же звали мать губернатора Баранова. Что же касается Блюма, то в примечаниях высказано предположение: Верховенский не случайно в одном месте вдруг называет Блюма Розенталем, это намек на Лилиентала, чиновника особых поручений при Баранове.

Все бы оно так. Да только у Гасфорта служили адъютантами двое братьев Блюменталь...

Густав Христианович Гасфорт был родом из Пруссии, по образованию ветеринар. В пору войн с Наполеоном в одном из русских кавалерийских полков случилась эпизодическая и ненадолго пригласить ветеринара. Перейдя на русскую службу, ветеринар-немец — в силу названных Достоевским причин — стал быстро делать карьеру, окончил училище колонновожатых, сделался офицером Главного штаба, участвовал в Венгер-

ской кампании 1849 года, затем служил на Кавказе. По отзыву одного кавказского сослуживца, «это был остзейский немец в полном смысле слова, по наружности, манерам, складу ума и характеру. Все это было не крупно, но прилично и как будто заставляло чего-то ожидать, хотя позади этой декорации не оказывалось ничего, кроме умения жить с людьми и пользоваться своими связями, чтобы эксплуатировать свое служебное положение» («Воспоминания» Григория Ивановича Филиппсона. «Русский архив», 1883, кн. III).

Прибыв на Кавказ, Гасфорт с места в карьер заявил, что тактику горной войны необходимо в корне менять и что он, Гасфорт, берется выработать новую тактику. Но на Кавказе из его попыток ничего не вышло. Зато уж когда Гасфорта назначили генерал-губернатором Западной Сибири...

Густав Христианович прежде

на флейте. Поднесенные ему для подписи бумаги взвешивает на безмене и потом хвастает, сколько пудов ему нужно было подписать за неделю».

Страшные в общем-то фигуры. Но страшны не они сами, а их окружение, шайка взяточников, фактически правившая Западной Сибирью. Вот один из этой шайки — Густав Карлович Кури, баварский немец, который «оставил родной Мюнхен с сестрицей, оканчивающейся на чеп, чтобы обирать киргизов в независимой Татарии и на их деньги шить жене «померанцевые платья на цитроновых лентах». Такую характеристику дает этому господину Валиханов в письме Достоевскому 15 октября 1862 года. Кури, секретарь фон Фридрихса, организовал подлейшую травлю Валиханова. Но это было уже после ухода Гасфорта с поста генерал-губернатора и назначения его посланником в Италию. А в пору своего пребывания в Западной Си-

бирской кампании 1849 года, затем служил на Кавказе. По отзыву одного кавказского сослуживца, «это был остзейский немец в полном смысле слова, по наружности, манерам, складу ума и характеру. Все это было не крупно, но прилично и как будто заставляло чего-то ожидать, хотя позади этой декорации не оказывалось ничего, кроме умения жить с людьми и пользоваться своими связями, чтобы эксплуатировать свое служебное положение» («Воспоминания» Григория Ивановича Филиппсона. «Русский архив», 1883, кн. III).

бирской кампании 1849 года, затем служил на Кавказе. По отзыву одного кавказского сослуживца, «это был остзейский немец в полном смысле слова, по наружности, манерам, складу ума и характеру. Все это было не крупно, но прилично и как будто заставляло чего-то ожидать, хотя позади этой декорации не оказывалось ничего, кроме умения жить с людьми и пользоваться своими связями, чтобы эксплуатировать свое служебное положение» («Воспоминания» Григория Ивановича Филиппсона. «Русский архив», 1883, кн. III).

бирской кампании 1849 года, затем служил на Кавказе. По отзыву одного кавказского сослуживца, «это был остзейский немец в полном смысле слова, по наружности, манерам, складу ума и характеру. Все это было не крупно, но прилично и как будто заставляло чего-то ожидать, хотя позади этой декорации не оказывалось ничего, кроме умения жить с людьми и пользоваться своими связями, чтобы эксплуатировать свое служебное положение» («Воспоминания» Григория Ивановича Филиппсона. «Русский архив», 1883, кн. III).

Ирина СТРЕЛКОВА

ТРАКТОВКА ЛИЧНОСТИ

всего натащил туда кучу немцев. (Как известно, и фон Лембе всюду тащил за собой верного Блюма.) По свидетельству сибиряка И. Ф. Бабкова («Воспоминания о моей службе в Западной Сибири», СПб, 1912), при Гасфорте все высшие начальствующие лица «...по происхождению принадлежали к иностранному народностям». Фон Фридрихс, фон Вилькен, Гинтовт, Кройерус, Экеблад, Гартлинг, уже названные братья Блюменталь, Кури, Адмонт... Напомним, что комендантом крепости был де Граве, впрочем, добрый и честный человек, которого, как сказано в «Записках из Мертвого дома», арестанты любили и уважали.

Анекдоты о Гасфорте ходили по всей Сибири. Он проектировал «вооруженные гумна», переименовывал маленькие села в города, чтобы показать, как быстро развивается вверенный ему край. На представленной ему топографической карте степи он собственноручно наштриховал горы — там, где, по его разумению, им надлежало быть. Но самым большим анекдотом был его проект новой религии для казахов. Гасфорт сочинил ее, взяв за основу иудаизм.

Не правда ли, все очень близко к идеям, порой овладевавшим фон Лембе? Но есть и прямые совпадения. Фон Лембе в «Бесах» коллекционировал прокламации, Гасфорту по его требованию присылали в Омск издания лондонской вольной типографии. Фон Лембе тайком писал роман — выдающимся романистом мнил себя и Гасфорт. Сохранилась черновая записка Чокана Валиханова, в которой спародирован монолог его превосходительства о романах вообще и о романах, написанных самим Гасфортом, убежденным, что он — писатель более значительный, чем Жорж Санд и Гюль.

Валиханов славился острым языком. И, конечно же, он рассказывал анекдоты о Гасфорте Достоевскому, когда приезжал в Семипалатинск. Думается, что и Александр Егорович Врангель мог немало порассказать Достоевскому. Вот только один из отзывов Врангеля о Гасфорте: «Он так луст и глуп, что много о нем говорить не буду». В том же письме о военном губернаторе фон Фридрихсе: «Доклады выслушивает стоя, играя

Ч. Ч. ВАЛИХАНОВ и Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. Фотография. 1858 г.

бири Гасфорт — отчасти по ходатайству Врангеля, но в большей степени потому, что все важные бумаги за него, писал Валиханов, — благожелательно препровождал в Петербург оды Достоевского, сочиненные ради того, чтобы вырваться из солдатчины. При содействии Гасфорта Достоевский был произведен в унтер-офицеры, а потом в прапорщики.

Теперь о трактовке личности Чокана Валиханова в примечаниях к тому 17-му.

В подготовительных материалах к роману «Подросток» есть такая записка о Версилье: «...ОН исповедуется сыну и говорит, что вынести не может образов; все рассказывает, как загалывался (страшное простодушие, Валиханов, обаяние)...». То есть Версилье, в котором для Достоевского воплощен высший русский культурный тип, наделен чертой характера казаха Валиханова. Но какой?

В том 17-м о Валиханове сказано следующее. Он член кружка братьев Достоевских, человек большой душевной чистоты, обаятельного простодушия, глубокого ума и безграничной фантазии. Достоевский познакомился с Валихановым в 1856 году в Семипалатинске, в 1860 году они снова встретились в Петербурге. На грани 60-х годов Валиханов претерпел эволюцию. Так что при работе над «Подростком» в воображении Достоевского «...возникает «поздний» Валиханов, не смотря на «гусарские разговоры» и «темные страсти», сохра-

останавливался в Семипалатинске. Вторая встреча произошла в 1855 году. Валиханов сопровождал Гасфорта в инспекционной поездке, именно тогда его мог видеть и Врангель, которого в 1856 году уже в Семипалатинске не было.

Что же касается «обаятельного простодушия»... Во всех воспоминаниях и в своих письмах друзьям Валиханов предстает обаятельнейшим человеком. Но простодушным? Нет. Он человек светский, привыкший играть в обществе первую скрипку, денди, более европеец, чем его друзья сибиряки: у него не язык, а бритва, может высмеять даже физический недостаток, но при этом отличный товарищ, всегда готов прийти на помощь, умеет быть нежным и заботливым. Такова характеристика, данная ему другом, замечательным русским путешественником Потаниным. Вот что действительно отличало простодушием, так это Потанин Григорий Николаевич. А Валиханов — не стоит забывать — получил в детстве традиционное султанское воспитание, правнука хана Аблая с малых лет готовили «застенные политики». Эта подготовка, надо полагать, пригодилась ему во время путешествия в Кашгар под именем купца Алимбая, как пригодилось и обаяние, отнюдь не простодушие. Ведь в Кашгаре мнимый Алимбай завел тесную дружбу с влиятельнейшим Нормухаммедом-датхой, принимал его у себя и бывал у него в гостях, получил право ходить по городу ночью, когда все прочие купцы не смели носа высунуть

из дома. Симпатия Нормухаммеда-датхи к обаятельному Алимбаю простерлась так далеко, что этот влиятельный человек самолучно проводил его караван за ворота Кашгара.

В примечаниях несколько неясно звучит фраза об эволюции Валиханова «на грани 60-х годов». Она наводит на мысль, что изменились убеждения Валиханова, тогда как и «поздний Валиханов» до конца придерживался передовых своих взглядов. В его «Записке о судебной реформе», над которой он работал в 1864 году, многие положения перекликаются с высказываниями Чернышевского. Валиханов писал о классовом разделении казахов, о формализме и бюрократизме в управлении Степью, о стремлении казахской верхушки использовать готовящуюся реформу для еще большего закабаления народа, правда, идеализировал при этом патриархальный суд биев, преувеличивал демократичность древнего гласного суда. Но ведь и здесь он шел за Чернышевским, который идеализировал крестьянскую общину. Если же говорить о конкретной деятельности Валиханова, то ее оценка содержится в официальной переписке российских чиновников: опасаясь вредного влияния штабс-ротмистра Валиханова на соплеменников, его решили перевести в один из кавалерийских полков внутри империи, то есть фактически выслать из Степи. И выслали бы, но не успели: Валиханов умер от чахотки в 1865 году, не дожив до тридцати лет.

Вся его жизнь — короткая и стремительная, его кашгарский подвиг, оставшееся после него весомое научное и литературное наследие — все это обаяет к более глубокому исследованию того, что называется в примечаниях «гусарскими разговорами» и «темными страстями».

Эта характеристика «позднего Валиханова» основана на воспоминаниях Н. Н. Страхова и Н. М. Ядринцева о петербургском периоде жизни Валиханова — с начала 1860-х годов по май 1861-го.

Страхов относит Валиханова к тем членам кружка Достоевского, которым были свойственны «физические излишества и отступления от нормального порядка», «кто не расположен был слишком бережно обходиться с собственной особой».

Ядринцев утверждает в своих воспоминаниях, что Валиханов не был усидчивым ученым и тружеником, что он вел в Петербурге весьма рассеянную жизнь, которая и сгубила его здоровье. По убеждению сибиряка Ядринцева, на молодого талантливого казаха дурно влиял кружок Достоевского, где Валиханов познакомился с поэтом Крестовским «...и во время гусарских разговоров (подчеркнуто мною. — И. С.) давал ему шутя темы для его испанских стихотворений, а сей поэт, питающийся красами остроумия талантливого Валиханова, немедленно строил свои романсы. Нам нет дела до происхождения этих киргизо-испанских мотивов, но мы указываем на них как на образчик темных сторон даровитого казаха, находившегося под влиянием пустой среды». И дальше идут упреки писателям, подобным Крестовскому, которые потакали страстям молодого казаха, — он искал в них цивилизованных людей, а находил мнимо-образованных, «проводивших в поэтической форме разврат» («Отчет Русского географического общества за 1865 г.»).

Что же... «гусарские разговоры» действительно были. Но понимать их следует в совершенно ином контексте, чем у Страхова и Ядринцева. Потанин лучше, чем они оба, знал Валиханова. Он тоже ворчит о том, что в Петербурге Чокан вел жизнь веселую, участвовал в пикниках, гуляниях, ездил в театр, водился с гвардейской мо-